

Гойко МИТИЧ: "Я НЕ ЖЕНАТЫЙ, НО И НЕ "ГОЛУБОЙ"

Кумир нашего детства, чья великолепная мускулатура покоряла миллионы девчонок и была предметом зависти мальчишек, единственный "советский индеец" Гойко Митич исчез из нашего поля зрения в те же годы, когда с карты мира исчез Советский Союз. Но, как оказалось, хотя и Чингачгук, и Зоркий Сокол, и другие персонажи, которых он играл, давно ушли к духам своих предков, в воздушные вигвамы великого Маниту, сам Гойко Митич жив-здоров, полон оптимизма и вполне ужился с новыми капиталистическими реалиями, обосновавшись в объединенной Германии. Здесь-то и разыскал великого индейца корреспондент "МК".

Читайте 6-ю стр.

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Ни ветры перестройки, ни падение Берлинской стены не смогли вытравить из него индейской закваски. Ему сейчас 62 года, но, как и в былые времена, он стреляет из винчестера, ездит верхом. Только поменял экранное имя. Бывший Зоркий Сокол, он же Текумзе, он же Оцеола, он же Белое Перо — Гойко Митич играет теперь Виннету в традиционных спектаклях по романам Карла Мэя, которые ежегодно, с июля по сентябрь, проходят в открытом амфитеатре в городке Бад Зегеберг под Гамбургом.

Перед одним из таких представлений корреспондент "МК" встретился с вождем краснокожих, который, как оказалось, очень неплохо говорит по-русски.

Гойко МИТИЧ:

— Где вы так хорошо выучили русский, Гойко?

— Вы находите, что мой русский все еще хорош? А ведь я уже 35 лет живу в Германии и говорю постоянно только по-немецки. Ваш язык я учил еще в школе — в советской Югославии хорошо преподавали русский. А в бывшем Советском Союзе я очень много снимался: в Минске, на Кавказе, в Самарканде, Бухаре...

— Вы одна из немногих кинозвезд, кто бывал в СССР. Часто вам вспоминается этот, теперь уже "затерянный мир"?

— Это была невероятно огромная страна. Помню, как-то мы снимали на Кавказе и мне искали лошадь. Продюсер с "Грузия-фильм" сказал: "Нэт праблэм! Мы обратимся к соседям и попросим лошадь у них". Ну, у соседей так у соседей. Я подумал, что туда ехать максимум два часа. Сели на машину и ехали целый день. Остановились лишь к вечеру. Продюсер сказал, что здесь мы переночуем, а завтра будем на месте. Да, это была гигантская страна. И страна добрых людей.

— В России вас помнят исключительно по ролям индейских вождей...

— Да, я снялся в двенадцати гэдзэровских фильмах про индейцев. Кроме того, я уже одиннадцатый год играю Виннету здесь, на театральном фестивале Карла Мэя. Понятно, что в индейской амплуа я больше всего запомнился зрителям, хотя на самом деле сыграл немало других, современных ролей в кино и телесериалах. Вот и сейчас я снимаюсь в исторической картине для Второго канала немецкого телевидения о Берлинском восстании 17 июня 1953 года. Играю, между прочим, маршала Соколовского.

— Говорят, актеры вашего типа так вживаются в образ своих персонажей, что олицетворяют себя с ними.

— Я сыграл очень много ролей. Как правило, все они были историческими фигурами: и Оцеола, и Текумзе. Я верю, что это были люди с большой буквы. Если бы, к примеру, Текумзе удалось воплотить в жизнь свои планы и объединить индейские племена в государство, не исключено, что история Америки выглядела бы иначе.

— После краха "советской мечты" многим звездам той эпохи пришлось нелегко. Вы же и сейчас в буквальном смысле слова — на коне!

— До объединения Германии в западных землях меня знали, безусловно, меньше, чем в восточных. Пришлось сменить киносьемочную площадку на сцену. Хотя поначалу я отказывался. Но когда я впервые увидел это представление здесь, в Бад Зегеберге, то у меня дух захватило. Оказалось, в таком театре под открытым небом можно проделывать трюки не менее сложные, чем на экране. И я согласился. А вскоре обнаружил, что у меня появилась куча поклонников и на Западе. Есть даже мои фан-клубы...

— А не тянет обратно, в кино?

— Такие планы были и есть. Поживем — увидим. Почему бы и нет?

— И опять — в боевой индейской раскраске?

— Индейцы были не только воины. Конечно, их историческое развитие находилось на примитивной стадии, но в чем-то они были

"Я НЕ ЖЕНАТЫЙ, НО И НЕ "ГОЛУБОЙ"

Гойко Митич и сегодня, как в былые времена, сражается за справедливость.

прогрессивнее европейцев. Они всегда считали, что мать-Землю следует сохранять такой, какой она есть: ее нельзя грабить, осквернять, как это делаем мы с нашей технологической цивилизацией. Иначе она отомстит. Земля уже мстит, этими ужасными наводнениями, глобальным потеплением...

— Как же вы стали "профессиональным индейцем", Гойко? С чего все началось?

— С книг Карла Мэя, классики вестерна. Я обожал Виннету, постоянного персонажа этих книг. Но когда я начал сниматься в ГДР, то первая картина с моим участием, "Сыновья Большой Медведицы", была поставлена по книге немецкой писательницы Лизелотты Вельскопф-Генрих. Романы Мэя были чистой фантазией, а Вельскопф-Генрих жила среди индейцев. Поэтому, может быть, та картина — лучшая из "индейских" лент, где я играл.

— Вы знаете, что Карл Мэй был любимым писателем Гитлера?

— Его романы очень увлекательны, и дети читают их взахлеб. Не удивительно, что они лежали на столе и у Гитлера. В этом плане история коварно обошлась с Карлом Мэем. В некоторых его произведениях нацисты переписали целые страницы "из идеологических соображений".

— Как вы попали из Югославии в Германию?

— Когда в 1964 году гэдзэровская киностудия "ДЕФА" начала в Югославии съемки "Сыновей Большой Медведицы", то стали искать исполнителя главной роли. Кто-то там увидел мое фото. Я не был культуристом, как многие считают, но занимался в спортшколе, перепробовал чуть ли не все виды спорта, умел ездить верхом. И к тому времени уже снялся в трех фильмах в Западной Германии. Ну парни из "ДЕФА" и решили: вот человек, которого мы ищем! Так я попал в ГДР, хотя свое будущее с этой страной тогда не связывал. Но фильм неожиданно оказался хитом, и я понял: "Дас ист фантастиш!" Тогда и решил, что это — мое кино, моя жизнь. В итоге снялся еще в одиннадцати восточногерманских лентах. С югославским паспортом в ГДР жилось нормально. Я и теперь сохраняю свое прежнее гражданст-

во, хотя недавно получил и немецкое. Процедура длилась невероятно долго, поскольку Милошевич не хотел меня отпускать.

— Кстати, что вы думаете о Милошевиче?

— Хороший вопрос! История рассудит. А пока ее пишут победители. Я думаю, что Милошевич не единственный, кто виноват в произошедшем. Все эти войны в Югославии начали не простые боснийцы, хорваты и сербы. Политики столкнули лбами простых людей, и те начали стрелять друг в друга. Югославия была моей родиной. Еще студентом я строил шоссе в Словении и чувствовал, что это моя страна. А теперь сербы или югославы туда нужна виза. Мне непонятно, почему, если строим общую Европу, в Германии разрушили Стену, а на Балканах создаются новые границы? Мое сердце разрывается. Но, к сожалению, это так.

— Не кажется вам, что действия американцев в Сербии, на вашей родине, это продолжение той имперской политики, под флагом которой истреблялись индейцы?

— Тогда речь шла о земле. В современном мире речь идет о ресурсах. Я думаю, что американцы с удовольствием купили бы сейчас за пару долларов Сибирь, как тогда — Аляску...

— Вернемся к кино. У вас ведь был сильный конкурент, француз Пьер Брис, игравший Виннету в западногерманских фильмах...

— Во-первых, в ГДР никогда не ставили фильмы о Виннету — это книжный персонаж Мэя, а снимали по большей части картины о реальных исторических личностях, основанные на реальных событиях. Так что с Пьером Брисом я никогда не конкурировал. До 1992 года он также играл тут в спектаклях по Карлу Мэю, и я стал его преемником на сцене. Одно время он был здесь режиссером, а я работал под его началом. Кроме того, я трижды снимался с ним в западногерманских фильмах. Он играл Виннету, я — другие роли.

— Не ощущалось ли тогда в кинематографических прериях противостояние "холодной войны"? Вот читала из старой газеты "Тагесшпигель": "Серб Митич от-

правился в ГДР сыграть вождя индейцев не по Мэю, а по Марксу". С другой стороны, "Шпигель" называл вас "символом свободы и приключений в закрытой ГДР".

— Конечно, те фильмы делались в соответствии с принципами социально-общественного строя. С другой стороны, как я уже говорил, у Карла Мэя — это фантазия чистой воды, эдакая романтика у костра. В вестернах "ДЕФА" мы пытались отразить историю. Кстати, у нас тоже очень тщательно разрабатывался антураж: в мельчайших подробностях, от одежды до провианта. Это тоже способствовало успеху.

И знаете, ведь в фильмах "ДЕФА" была своя правда: геноцид индейцев, изгнание в резервации...

— Вы были очень популярны не только у поклонников ковбойского кино, но и у прекрасного пола. Я слышал, что и сегодня вы каждый день получаете письма с предложениями женитьбы. Вы женаты?

— Получаю я всякие письма. А вот женат никогда не был. У меня нет времени для семейной жизни. Ни одна женщина не хочет за меня замуж.

— В это трудно поверить. Но подруга-то у вас есть?

— Да, конечно. Открыто заявляю: мне нравятся женщины, а не мужчины! Бывает, спрашивают: "У тебя нет жены, уж не "голубой" ли ты?" Нет, я не "голубой".

— Здесь, на фестивале Карла Мэя, вы за сезон даете примерно семьдесят представлений. Не тяжело ли в вашем возрасте бегать, прыгать, скакать на лошади?

— Что значит в моем возрасте? Человеку столько лет, на сколько он себя чувствует! Я свеж как огурец. Да, я больше не прыгаю с лошади на скаку и не делаю кое-какие опасные трюки, но я не думаю, что зритель замечает, что Виннету уже в летах. Когда я почувствую, что не могу работать, уйду со сцены.

— В чем же секрет вашей молодости?

— В спорте. И я никогда не пил и не курил ничего, кроме трубки мира, — когда мы снимали, то приходилось делать двадцать заთяжек кряду. Однажды был в вигваме-парной, эдакой индейской сауне. Там тоже курят трубку, пуская ее по кругу. Я смотрел, как индейцы это делают, и старался повторять за ними. Это был единственный случай, когда я курил с индейцами.

— Вы встречались с потомками тех, кого играли на экране?

— Да, впервые лет пять назад. Я был в США, в Сизтле, — ездил снимать по заказу телевидения документальный фильм о современных индейцах. Когда я прошел таможенно, ко мне шагнул их вождь и со словами: "Брат мой!" — обнял меня. Мы отошли в сторону и сели на пол — это ритуал. Мне вручили индейский амулет, в ответ я достал привезенные подарки, в том числе коробку хорошего табака. Они были растроганы. В ответ мне подарили индейское покрывало и приняли в племя, так что я теперь могу считать себя настоящим индейцем. Мне даже дали новое имя. Шаман спросил, есть ли у меня, как это водится у индейцев, прообраз в животном мире. Я ответил "нет". Он сказал: "Подумай о животном". Я закрыл глаза и тут же увидел смотрящего на меня в упор волка. Когда я раскрыл глаза, шаман взглянул на меня и сказал: "Ты — Волк!" Я был потрясен. Но стал Волком!

— Они видели ваши фильмы?

— Мы привезли и показали им две наши лучшие картины: "Сыновья Большой Медведицы" и "Апачи". Их смотрели и белые, и индейцы, состоялась интересная дискуссия. Такой взгляд на историю был для американцев в новинку, но все говорили, что им понравилось. А в той сцене, где Токаито разрывает купчую на покупку земли, поскольку она юридическая, все начали аплодировать...

— Пишут, что Америка признала свою вину перед коренными американцами. У современных индейцев большие привилегии, свои школы...

— Я думаю, что Америка позабыла своих краснокожих детей. Гордые воины остались в истории. Их потомки по-прежнему живут в резервациях, а индейские дети не знают родного языка. Некоторые интеллектуалы пытаются сейчас собственными силами изменить ситуацию и учат индейских детей их родному языку как иностранному. Парадокс, но такова жизнь, и воспринимать ее стоит, как она есть.

Александр ПАВЛОВ, Кельн—Гамбург.

БЫВШИЙ
ВОЖДЬ
КРАСНОКОЖИХ
НАДЕЛ
ПОГОНЫ
СОВЕТСКОГО
МАРШАЛА